

Горячий бюст или остывший кофе?

Как выглядит актер на телевидении? Нет, не тогда, когда он играет, участвует в спектакле или фильме, но тогда, когда он играет Самого себя. Хотелось сказать — «любимого», но это будет из области хохмы, а вопрос серьезный.

ЛИЧНОСТЬ актера, его, если хотите, личная жизнь — понятие это пережило и плохие, и хорошие времена. Плохие, тощие — были всякие там «Огоньки», «Театральные встречи» с тщательно разыгранной фамильярностью и отсебятиной типа «рояль в кустах». Ну а времена хорошие, тучные — они, надеемся, впереди.

Вот мы, собственно, и обозначили Сциллу и Харибду сегодняшней лично-актерской проблемы. С одной стороны, неостывший огоньковский кофе, с другой — горячий бюст подруги суперзвезды. А что же тогда? — законно спросит читатель.

Лично меня поразила встреча с Алексеем Петренко на видеоканале «Добрый вечер, Москва!». Надо сказать, что именно этот видеоканал добровольно взвалил на свои не самые свободные плечи нелегкий груз общения с «живым» актером (подумать только, какое приятное словосочетание — актер, да еще живой!).

Так вот — живой Алексей Петренко почти все посвященное ему время — а вела передачу Татьяна Шах-Азизова, и вела мастерски, то есть исчезающе незаметно, — посвятил одной картине — «Сфинкс». Поразило же меня это тем, что картина никак не рассчитана на всеобщее приятие, и даже более того. И те фрагменты, которые были показаны, достаточно в этом убедили рядового зрителя. И не удивлюсь тому, что рядовой зритель в сердцах повернул ручку переключения программ, а зря! Зря, потому что, хотя и я отнюдь не являюсь поклонницей картины, была, однако, поражена вот этой не удобной для зрителя и не ласкающей его всепоглощенностью актера своей работой. Я бы сказала — истовой поглощенностью, и, уверена, актеру было все равно — кто там выключит, кто переключит, он рассказывал о работе, которой отдал кусок души.

И потому и на все остальное смотрел с точки зрения своего героя. В нем не было никакого желания угодить публике, потратить ей, что ли. То, что всегда неистребимо в актере, даже не на сцене, не на экране, а и просто дома, в личном, ничем, никакими профессиональными интересами не связанным общении. Вот здесь этого не было до такой степени, что мы, зрители, вообще исчезали: актер был в круге того самого публичного одиночества, о котором только слышать приходилось. Он размышлял сам с собой. Но никак нельзя было сказать, что Петренко говорил о себе и для себя: для себя — да, но как человека нашего, сегодняшнего дня. Поэтому ни в какой мере не прозвучало «на публику» его заявление о том — а было это в момент «битвы за урожай», — что если нет возможности у государства собрать то, что созрело, то надо раздать людям — по мешку, по два мешка. А весной они вернут государству.

Он говорил об искусстве с истовостью и всепоглощенностью — о своем последнем фильме, да. Но он говорил и о жизни, которой все мы живем. И

22

эти его слова, эта его сопричастность жизни были естественны, органичны большому художнику, который не может жить в вакууме. Но она, эта сопричастность, не имела ничего общего с дешевой тезой — «да, я тоже хожу в магазин, стою в очередях в прачечной и т. д.» Эта теза задела в неплохом киновечере Инны Чуриковой и ее разговоре с телезритателями в том же видеоканале «Добрый вечер, Москва!». Не то чтобы не верилось, что Чурикова, приехавши с Каннского фестиваля, идет в прачечную (вызывая, как она сказала, даже неуважение у приемщицы!), верится, положим. Но зачем об этом говорить и спрашивать? Разве в этом она, сопричастность большого художника к нашей нелегкой жизни? Нет, она в том, что Чурикова сыграла еще одну Мать Горького и этим вторглась в наше сегодняшнее бытие.

Значит ли это, что не надо интересоваться, а как же все-таки актер живет в личной жизни? Вот и рубрика такая появилась, и скоро и у нас, чувствую, возникнут, да уже и возникают, всякие разоблачительно светские «дайджесты». Интересоваться надо, потому что интересуется зритель. Потому что интересуемся мы все. А личная жизнь — то, что составляет его

суть, то, что в конце концов неразрывно с творчеством: ведь актер все, что нам дает, черпает из одного источника, из самого себя.

...Полной противоположностью беседе с Алексеем Петренко была встреча с Ириной Мирошниченко, и здесь я меньше всего хочу обвинить ведущего это интервью писателя Вячеслава Шугаева, он был достаточно жесткий, хотя и вполне корректный. Но вот это неизбывное (впрочем, для красивой женщины, возможно, и естественное) стремление всенепременно понравиться всем и вся — как оно мстит актеру! Я думаю, что и в творчестве оно серьезно мешает, мешает оно и здесь, на телеэкране: немисливо ослепительная улыбка как возникла, так уже и не исчезла с экрана — она жила отдельно, подобно улыбке Чеширского кота.

Ну что ж, красиво, ничего не скажешь. Но разве мы не видали других красавиц — скажем, зарубежных? Хотя бы ту же Ванессу Редгрейв или Доминик Санда, которая приехала однажды в Москву в каком-то непрезентабельном свитере, потрясшем воображение всех журналистов? Зато в свое время, помню, некая весьма средняя в прошлом русская балерина Людмила Черина, представляя какой-то очень средний французский фильм, потрясла воображение журналистов... норковыми панталонами, которые эффектно сверкали сквозь короткие юбки: якобы надо беречь ноги от русского холода. Но такое мы видели только на ней.

Красота для актера, для актрисы — коварная вещь. Она прекрасна тогда, когда актер, актриса ее не замечают (или нам кажется, что не замечают), ради, да ради чего же? Да ради искусства, наверное. И пусть актер, актриса час или даже день перед встречей со зрителем проводят в ледяной ванне — мы не об этом должны думать, когда видим ее (его) в роли или уж тем более когда она (он) пытаются с нами говорить о жизни.

Очень неудачительно отвечала Мирошниченко на все более или менее острые вопросы, которые ей ставил ведущий. Особенно это почувствовалось в разговоре об Анастасии Георгиевской, о смерти которой тогда только что написали «Известия».

Впрочем, разве этот — или другой какой, в достаточной степени острый — разговор был для нее целью встречи? Скажем, о «черном переделе» МХАТа? Да нет же, конечно. Главным была она, Ирина Мирошниченко.

...Я, может быть, пристрастна, субъективна, резко неправа, бесконечно преклоняюсь перед Инной Чуриковой, любуюсь немеркнувшей молодостью Мирошниченко. Но ближе всех почему-то «глянулся» Петренко — угрюмоватый, неудобный, тяжеловесный, он был без грима, и чуточка правды о жизни сверкнула —

А вдруг в золе блеснет зарею

Алмаз, как знаменье

победы?

(Из Циприана Норvida).

Валентина ИВАНОВА.